УДК 101.1:316

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ, МЕНТАЛИТЕТ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ОБРАЗОВАНИЯ

Кожевникова Маргарита Николаевна,
Институт управления образованием
Российской академии образования,
филиал в Санкт-Петербурге,
ведущий научный сотрудник,
кандидат философских наук,
г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: margaritakozh@ya.ru

Аннотация
В определение важнейших стратегических задач современного российского образования вошли понятия «патриотизм», «национальные ценности», «национальное самосознание». В связи с этим, по мнению автора статьи, требуется перепродумать темы российской цивилизации и российского менталитета. В статье рассматриваются отмеченные разными исследователями проблемы российской цивилизации – начиная с экономического уровня, включая более глубокие уровни: социально-экономический и, наконец, социокультурный, сказывающиеся на судьбах России. В центр внимания автора вышла проблема обсуждения «культурного ядра» российской цивилизации и в связи с этим – исследования российского менталитета. В статье предложена авторская гипотеза, включающая схему «слоев», исторически складывавших российский менталитет, и их ключевые элементы. В качестве основания для разъяснения самой природы российского менталитета выявлен архетип «пространство», с входящими в него смысловыми элементами (покой, однородность, беспредметность, абсолютное, постоянство, (сфера) внутреннего). Как противостоящий принципу «Пространства» обнаружен феномен «Границы». На основе понятых характеристик, элементов и внутреннего противоречия российского менталитета были уточнены задачи деятелей образования относительно его (менталитета) проблем, с одной стороны, и потенциала, с другой.

Ключевые понятия:
национальные ценности,
национальное самосознание,
образовательные стандарты,
цивилизационные теории,
мета-российская цивилизация, менталитет.

(Исследование выполнено в рамках финансирования госзадания по теме НИР «Развитие непрерывного педагогического образования в условиях реализации профессионального стандарта», проект № 27.9434.2017/БЧ)

Стратегические задачи образования

По последним событиям в мире, как и по событиям и настроениям в родной стране, мы видим, что национальная ориентация стала ведущим трендом в общественно-политическом пространстве. Как всегда бывает, политики и общество передают свои устремления в руки образованию (официальной системе образования) с целью использовать машину образования как инструмент общественно-политического формирования, – так сегодня разворачивается масштабная кампания национально-патриотического воспитания.

Но и собственные идеи политиков и теоретиков образования, выразившиеся в программах федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) последних поколений, составивших основания для реформирования российского образования, также включают в качестве своих важнейших элементов патриотизм и «национальные ценности». Для учеников младших классов это ключевые воспитательные задачи – «приобщение обучающихся к базовым национальным ценностям российского общества», культивирование «национального самосознания», «духовные ценности отечественной культуры», – что должно выразиться в становлении определенных личностных характеристик выпускника («портрет выпускника начальной школы»)[1]. Тем более это верно для учеников средних и старших классов, для которых «личностные результаты освоения основной образовательной программы основного общего образования должны отражать формирование российской гражданской идентичности обучающихся». Сказанное подразумевает, что «стандарт устанавливает требования к результатам освоения обучающимися основной образовательной программы основного общего образования:

[1] Приказ Минобрнауки России от 06.10.2009 № 373 (ред. от 18.12.2012) «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.12.2009 № 15785) // Документ предоставлен КонсультантПлюс www.consultant.ru, дата сохранения: 06.08.2014.

личностным, включающим … способность к осознанию российской идентичности в поликультурном социуме», и что важнейшими задачами образования оказываются «обеспечение культурной самоидентификации», «усвоение базовых национальных ценностей современного российского общества» и «национально-культурных ценностей народа»; «развитие национального самосознания»[2].

Об этих задачах, ставящихся и перед образованием, и самим образованием, мы говорим как о стратегических задачах – по существу, задачах, сводящихся к педагогическому «производству по формированию россиянина».

И если это так, тогда на первый план должны выйти вопросы о том, что значит быть россиянами в общественно-культурных аспектах и всенародных масштабах, – и это вопрос о цивилизации; и что значит быть россиянином (русским) в индивидуальных масштабах, – и это вопрос о менталитете. Так, для того чтобы современному образованию – в конкретности современным педагогам, на которых возложены эти стратегические задачи, – бодро браться за их осуществление, им требуется сначала обнаружить эти вопросы и выявить связанные с ними проблемы, а затем задуматься о сущности особенного «бытия россиян» и в связи с этим – о судьбах России и об особенных характеристиках, движущих силах и смыслах русской души.

Российская цивилизация

Начнем с внешних данных характеристик современной России, рассматривая их в направлении от более выявленных к более глубоким, скрытым. Первый уровень – экономический. По В.Л. Иноземцеву, при отсутствии условий неоиндустриального развития – серьезной технологической базы, востребованности квалифицированного труда, мощного научного и интеллектуального потенциала – Россия находится в ситуации, не позволяющей говорить о возможности формирования в ней сегодня постиндустриального общества и роли локомотива мирового научного прогресса, но стоит перед задачей двигаться по пути «догоняющего» развития в направлении индустриального прогресса, закрепиться в группе «догоняющих» стран и «избежать автаркической изоляции, которая неизбежно сделала бы ее сырьевым придатком Запада и перечеркнула бы любые надежды на прогрессивное, поступательное развитие» [9, с. 31–32].

На социально-экономическом уровне положение дел может быть связано с отсутствием демократии в России, имеющим в своей подоплеке: 1) исторические традиции, включающие тяготение к персонализации политики; 2) культ личности в широком смысле слова, с восприятием несогласия как преступления; 3) ресурсную экономику; 4) имперский менталитет, с культом «величия» государства, наиболее очевидно проявляющемся в территории; 5) коррупцию и злоупотребление властью. При решении дальнейшей судьбы России требуется выбор между Западом и Востоком – это ее «выбор между демократическим и авторитарным путем развития» [10].

Еще более глубокий уровень рассмотрения – социокультурные измерения происходящих с Россией цивилизационных процессов, в которых важнейшая проблема – это опасность перестать быть «лидирующим «историческим» народом или нацией», потерять свою цивилизационную индивидуальность, оказаться, в формулировке Питирима Сорокина, «эклектической «свалкой», заполненной разнообразными обломками чувственной, идеациональной, интегральной культур и других социокультурных скоплений», или «цивилизационным навозом и удобрением для других великих цивилизаций или культурных систем» – «этнографическим человеческим материалом», который используют другие более творческие общества и народы" [цит. по 25]. Другая, еще возможная альтернатива, – «стать одним из эпицентров рождения интегрального социокультурного строя благодаря традиционной широте и фундаментальности научных взглядов, способных лечь в основу новой постиндустриальной обществоведческой, адекватной парадигмы» [25].

Что же такое Россия как «лидирующий «исторический» народ», собственно российская цивилизация? В историческом ракурсе представляется правильным понимать и обозначать эту локальную цивилизацию как мета-российскую. С первой концепции локальных цивилизаций Н.Я. Данилевского («Россия и Европа», 1871) появилась гипотеза о зарождении русско-славянского «культурно-исторического

[2] Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 декабря 2010 г. № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 01.02.2011 № 19644) // Документ предоставлен КонсультантПлюс www.consultant.ru, дата сохранения: 06.08.2014.

типа» (цивилизации») [5], который будет иметь исключительный потенциал прийти на смену угасающей западной цивилизации. Для О. Шпенглера, следовавшего Н.Я. Данилевскому, обозначенная им как «русско-сибирская» цивилизация («Закат Европы», 1918–1922) представлялась тоже еще не существующей, но зарождающейся. А. Тойнби поместил «православную христианскую» [28] цивилизацию уже среди семи живых цивилизаций, выделенных им преимущественно по религиозной принадлежности. Близкое этому понимание мета-российская цивилизация сохранила и в понятии «православно-славянской цивилизации» у С. Хантингтона [27].

В самой современной России российскую цивилизацию тоже трактовали как мета-российскую [6], отождествляя ее как «православную» и по существу как «евразийскую» цивилизацию.

Относительно ее судьбы – как сформулировал это Панарин [14] – можно сказать, что сохранение и воссоздание цивилизации возможно, даже когда ей наносится любой материальный урон, если только сохраняется ее ценностное ядро.

В политической науке российские авторы говорят о ценностях, исходя из срединного положения между Западом и Востоком и различая культурно-мировоззренческие ценности Запада как опирающиеся на категории: «индивид – гражданское общество – право – рынок – прогресс – свобода – разум», а ценности Востока – на универсалии: «государство – традиция – иерархия – порядок – вера – стабильность» [20], однако состав культурного ядра евразийской цивилизации считают «проблематичным, не устоявшимся из-за исторических бурь», отмеченным тяготением к приоритету ценностей «государства, державности, власти и властного статуса» наряду с ценностями «воли-свободы» и «ценности образованности-интеллигентности как "европейства"» как притягательными [17].

Противопоставление Запада и Востока в наше время делается и в контексте возможных стратегий глобализации, соотнесенных с наличным процессом, «пронизанным острыми противоречиями» и «рыночным фундаментализмом», и в свете наиболее перспективной стратегии регионализации России отводится «роль Евразийского моста» [15].

Сопоставления России с Западом и миром, начавшись в XIX в. с П.Я. Чаадаева, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьева, прошли в XX в. через Н.А. Бердяева, евразийцев Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, др., а также Л.П. Карсавина, Л.Н. Гумилева, к современным авторам: А.А. Зиновьеву, А.С. Панарину, В.Л. Цымбурскому, А.Г. Дугину, И.Б. Орловой, В.Я. Пащенко, С.Б. Лаврову. Раскол позиций авторов коренится, прежде всего, в сфере понимания принципов общинности (коллективизма) и индивидуализма, а в связи с этим – отношений государства и индивида.

Традиционно дополнительной к этой области водораздела цивилизационных идентичностей была область отношения к рациональности. Делается ясным, что вторая область логически связана с первой, если принять во внимание, насколько, по К. Попперу, коллективистическое общество типически ориентировано на «магическую установку», на веру в существование магических табу, а индивидуалистическое общество – на рациональность и критическое отношение к табу [16, с. 251, с. 363–364]. У коллективистического общества это проявлялось и в символизме знаков и действий (похороны вождя, забальзамированное тело Ленина в мавзолее, др. [7]).

По Ф.А. Хайеку, коллективистическое общество в отличие от индивидуалистического строится на «сознательных порядках» и целях, зачастую возвышенных, которые по своей природе оказываются утопическими, в отличие от спонтанных «порядков» [26]. Эти характеристики евразийцы утверждали как «идеократию», которую Бердяев идентифицировал как «утопический этатизм» [3].

Можно обратиться и к общественному сознанию россиян как проявлению цивилизационного самоопределения. По данным Института комплексных стратегических исследований за 2005 г., общество размежевывалось на «традиционалистов» (41%), с ярко выраженной патерналистской ориентацией населения; либерально ориентированных граждан (26%), исходящих из принципов личной ответственности, инициативы и общества индивидуальной основы, и промежуточную группу, ориентированную в сторону последовательного традиционализма [4, с. 68]. Так в общественном сознании россиян мы находим представленными направленности цивилизационных ценностей Востока и Запада.

В целом, варианты соотнесения России с Западом и миром можно обозначить как следующие: Россию (мета-российскую цивилизацию) отождествляли: а) скорее как «Запад» (позиции «западников»); б) скорее как «Восток» (в ряде трактовок евразийства вплоть до современной версии неоевразийства Г. Джемаля); в) как особую относительно Запада и Востока цивилиза-

цию – или сугубо православного толка («Святая Русь»), или синтетически-евразийского толка.

Обсуждение цивилизационной модели, соответствующей мета-российской цивилизации, требует многофакторного анализа: исторического, политического, экономического, культурологического. Для поднятых же нами вопросов достаточно будет сделанного краткого обзора относительно российской цивилизации, и потребуется уделить больше внимания вопросам о российской ментальности, связанным с «культурным ядром» цивилизации.

Российский менталитет

Начнем с исторических бурь, упомянутых Н.С. Розовым, относящихся прежде всего к XX в. Ясно, что ментальность досоветской России, которая глубоко осмыслялась в XIX в. и затем в XX в. философами из российской эмиграции, не сохранилась в неизменном виде в результате политической, социальной, культурной ломки в советский период. Тем не менее, стоит обратиться к ее определениям и интерпретациям, сделанным в XIX–XX вв., и мы видим, что она не исчезла полностью и необратимо. Соотносимо с определениями прошлого дополнительный объем обретают характеристики, данные А.А. Зиновьевым особому типу ментальности – «советскому человеку» [6].

Мы предпочитаем рассмотреть российскую ментальность как ментально-меметическое наследие, сложившееся из исторических пластов. При таком взгляде потребуется понять основания исторической преемственности и разрывов.

В исторических пластах российской ментальности мы выделяем как первичный базовый пласт (1) – «природные» черты (времен славянского язычества), издревле сформированные в ментальности народа благодаря природным условиям, по Федотову, это: «затерянность в природе и нежелание повелевать ею»; миролюбие; переживание языческой души («Мать-Земля бесформенна и безлика» [22]); по Ильину – «созерцанию нас учило прежде всего наше равнинное пространство» [Ильин, 8]); «добродушие, спокойствие» (И.А. Ильин) [8], «беспечная отвага», расплывчатость, неопределенность (П.Я. Чаадаев) [24], «пассивность» (В. Соловьев) [19].

Следующий пласт – «византийский» (2), вобравший черты, воспринятые после крещения Руси. Это церковность, монархизм, сословная иерархия, по Н.Я. Данилевскому, К. Леонтьеву, по Г. Федотову, склонность к духовному созерцанию, к «освящению повседневной жизни» в таинствах, обрядах, святынях, «великолепию ритуалов», аскетизм как духовный идеал, акцентирование «страха Божия», поклонения, смирения, рабство как модель социальных отношений [22].

Особый пласт (3) составили развившиеся в процессе формирования собственной православной традиции черты: по Федотову, это приоритет христианской любви к человеку; избегание «внешних проявлений внутренней жизни» [22]; кротость; соборность или «хоровой принцип» и духовный идеал русского «старца», по С.Л. Франку [23].

Пласт «татаро-монгольского наследия» (4) включил: по Н.С. Трубецкому, «простые и симметричные схемы» восприятия действительности, не сознающиеся, а «ушедшие в подсознание» [21]; по П.Н. Савицкому, «самодовление, вплоть до «полной неподвижности» и «косности», устойчивость, «свойство организовываться военно, создавать государственно-принудительный центр», «навык могущества» («орды»), «дерзанье безмерное», «ощущение континента» [18].

Пласт «петровского наследия» (5), согласно П.Я. Чаадаеву, Н.О. Лосскому, актуализировал в российской ментальности такие черты, как активность, предприимчивость, способность перенимать знания и технологии, быть хорошими учениками, рациональность.

Слой ментальности XIX вв. (6) был заложен благодаря развитию российской интеллигенции – это «искание абсолютного добра» (Н.О. Лосский) [13]; «русский нигилизм» (С.Л. Франк [23], Н. Бердяев); мессианство – идея о призвании русского народа быть спасителем человечества (славянофилы), идея русского «всеединства», «всечеловека» (В.С. Соловьев Н. [19], Бердяев [2]); мучительный вопрос об отношении к «действительности»; «народолюбивость интеллигенции» и недоверие к ней народа; противостояние интеллигенции государству, империи, власти (Н. Бердяев) [1].

В советский слой (7) вошли: «психология отчёта», «психология доноса», «психология научного трактата»; вненравственность интеллектуально пластичного, гибкого, адаптивного «существа идеологического»; искусность в использовании «творческого подхода» (заповедь: «Сиди тихо и не рыпайся! А что касается творчества, так это нужно лишь для отчёта»); умение «стоять по стойке «смирно»; покорность решениям властей, благодаря привычке к трудностям

и «постоянному ожиданию ещё худшего»; отпор «тем, кто нарушает привычные формы поведения» и «солидарность с большинством сограждан, одобряемых властями» (А.А. Зиновьев) [6].

Слой (8) постсоветского времени: культ богатства, личного успеха и силы, понимаемой и принимаемой предельно широко (от криминального насилия до бюрократической и политической власти); конформизм; патернализм; этатизм; патриотизм как идея державности; сентиментальность, принимаемая в качестве душевности; религиозная лояльность и консерватизм, принимаемые в качестве духовности; социальная невключенность и обособленность; недоверчивость и закрытость к Другим.

Исторический анализ российского менталитета позволяет уточнить и генезис, и место в нем «ценностей Запада» и «ценностей Востока». И внутри такой схемы «наслоений» в российском менталитете мы прослеживаем ключевые элементы – такие, которые составляли преемственность, претерпевая перерождение, и на основе которых происходило «втягивание» нового доминантного элемента, укоренявшегося на основе «соседства» или сходства с имевшимся. В рамках перечисленных слоев это: (1) природная растворенность и «спокойствие» – (2) самоуглубленное созерцание и поклонение абсолюту (духовному и социальному) – (3) кротость, непритязательность – (4) косность «простых схем», «навык могущества» в организованной "орде" и «ощущение континента» – (5) имперский размах, безудержная удаль и смекалка – (6) соборность и мессианство (русская идея) – (7) «идеологическое существование» и коллективность – (8) конформизм и культ силы.

Эта схема помогает увидеть обусловленность российского менталитета и выявить логику ментальностных напластований. Однако в ней недостает оснований для разъяснения самой природы российского менталитета – его начала, стержневого принципа, внутренних противоречий.

Изложим вкратце авторскую гипотезу. Мы обнаруживаем системообразующий принцип (и архетип) российской ментальности – *принцип пространства*. В генезисе этого принципа могла быть исконная привычка русских к пространству, выработавшаяся из-за природных и исторических условий – положения посредине необъятного материка с плодородными почвами и водоемами, с ровными (хотя и не плоскими) ландшафтами, открывающими дали; возможности вольготно находиться здесь без угроз со стороны стихий (как-то: песчаных бурь, наводнений, тайфунов, ураганов, землетрясений и извержений вулканов) и без стесняющей конкуренции за выживание.

Во всех рассмотренных выше слоях российской ментальности «пространство» явилось преемственной доминантой в том смысле, что в этот архетип как основной входят другие, составляющие его смысловые элементы – это *покой* (пространство как ресурс), *однородность, беспредметность, абсолютное, постоянство*, (сфера) *внутреннего*. Эти смыслы определяют многое в обсуждавшихся качествах и ценностях российского менталитета.

«Пространству» как принципу противостоит принцип «Границы». Не претендуя на полноту трактовки понятия «Границы» [См.: 12], мы понимаем его как появление Другого/ *другого*. И в этом смысле проблема невзятия барьера «Границы» – это, прежде всего, непризнание Другого/ *другого*, отказ иметь с ним дело.

Примечательно, что относительно этой ранее замеченной автором проблемы[3] в ноябре 2016 симптоматично прозвучало высказывание В. В. Путина, тезисно обозначенное журналистами как «отсутствие у России границ»[4].

В философии и теории образования для выработки образовательных моделей необходимо будет учесть те следствия, которые эта проблема имеет на разных уровнях применительно ко всему объему ментальности – в сферах мышления, воли и отношений.

Заключение

Мы обнаружили вопросы, встающие в образовании относительно национальной идентичности, и рассмотрели поднимаемые исследователями проблемы российской цивилизации. Наиболее значимым фактором для сохранения и развития цивилизации оказывается «культурное ядро» – совокупность ценностей.

Понимание культурно-мировоззренческих ценностей, характеристик, движущих сил и смыслов русской души возможно в рамках исследования российского мента-

[3] Проблема впервые была упомянута автором в марте 2016 в докладе на конференции в Минске и в приуроченной к конференции публикации тезисов доклада [11, с. 208–213].

[4] Путин: граница России нигде не заканчивается. 24 ноября 2016, 14:51 [Электронный ресурс] – https://russian.rt.com/russia/news/335286-putin-granica-rossii. Дата доступа: 2.12.2016.

литета. Опираясь на классические работы в этой области, мы выстроили схему «наслоений», исторически складывавших российский менталитет, и выявили в них определенные ключевые элементы. Отыскивая основания российского менталитета, мы определили его стержневой принцип – архетип «пространство», складываемый смысловыми элементами – архетипами: *покой, однородность, беспредметность, абсолютное, постоянство, (сфера) внутреннего*. Мы обнаружили как противостоящий принципу «Пространства» принцип «Границы» и раскрыли внутреннее противоречие в комплексе элементов российского менталитета.

Исходя из изложенного, задачей деятелей образования будет осознавать и сохранять потенциал, содержащийся в тех элементах российской традиции и культуры, которые конструктивно связаны с «принципом пространства» (добродушие, спокойствие, миролюбие, чувство Земли, духовное созерцание, интуиция, душевность, кротость, правда, дерзанье, поиск добра, всеединство и т.д.), и вместе с тем обнаруживать пути взятия барьера «Границы» и способы обучения им, приемлемые для типа российской ментальности.

1. Бердяев Н. Из психологии русской интеллигенции. URL: http://www.odinblago.ru/berd_iz_psy_ru_intellig. (дата обращения: 08.02.2017).

2. Бердяев Н. Национализм и мессианизм // Душа России. М.: Тип. И.Д. Сытина, 1915. 42 с.

3. Бердяев Н. Утопический этатизм евразийцев // «Путь». 1927. № 8. URL: http://www.odinblago.ru/path/8/11/ (дата обращения: 08.02.2017).

4. Горшков М.К. Граждане новой России: к вопросу об устойчивости и изменчивости общенационального менталитета // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 1. М.: ИНИОН РАН, 2005.

5. Данилевский Н.Я. «Россия и Европа», 1871. URL: http://modernlib.ru/books/danilevskiy_nikolay/rossiya_i_evropa/read (дата обращения: 08.02.2017).

6. Зиновьев А.А. Глобальное сверхобщество и Россия. Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2000. 128 с.

7. Ивин А.А. Философия истории. М.: Гардарики, 2000. 528 с.

8. Ильин И.А. О русской идее // Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 томах. Том 2. М.: Русская Книга, 1993. 496 с.

9. Иноземцев В.Л. Неизбежность монополюсной цивилизации // Мегатренды мирового развития. М.: Экономика, 2001. 296 с.

10. Иноземцев В.Л. Пять причин, почему в России не будет демократии (Изложение доклада, представленного автором на международном конгрессе The Freedom Games 2015 в г. Лодзь (Польша). URL: https://snob.ru/selected/entry/99514?v=1452779894 (дата обращения: 05.02.2016).

11. Кожевникова М.Н. Проблемы российской ментальности и перспективная модель российского образования XXI в. // Роль менталитета в функционировании государства: материалы междунар. науч.-практ. конф. в г. Минске 25 марта 2016 г. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь; Ин-т истории НАН Беларуси. Минск: Колорград, 2016. С. 208–213.

12. Куликова Т.В. Философия границы: феноменологический и эпистемологический подходы: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01. Н. Новгород, 2011. 334 с.

13. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. 368 с.

14. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 416 с.

15. Пирогов Г.Г. Глобализация и цивилизационное многообразие мира, в 2 ч. М.: Слово, 2002. Ч. 1. 460 с. Ч. 2. 273 с.

16. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1. 448 с.

17. Розов Н.С. Общества, миросистемы и цивилизации: синтез парадигм и структура истории. URL: http://www.nsu.ru/filf/rpha/papers/geoecon/forrach.htm#topic5 (дата обращения: 05.02.2016).

18. Савицкий П.Н. Степь и оседлость // На путях: Утверждение евразийцев. Москва, Берлин, 1922. URL: http://www.kulichki.com/~gumilev/SPN/spn03.htm (дата обращения: 08.02.2017).

19. Соловьев В. Национальный вопрос в России. URL: http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv31.htm (дата обращения: 08.02.2017).

20. Старостин А.М. Цивилизационная парадигма в политической науке. URL: http://www.rapn.ru/partner/files/starostin.pdf (дата обращения: 08.02.2017).

21. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: антология / Российская академия наук, Институт философии. Науч. изд. М.: Наука, 1993. С. 58–88.

22. Федотов Г. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. 269 с.

23. Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука-СПб, 1996. 738 с.

24. Чаадаев П.Я. Философические письма. М.: Эксмо, 2006. 544 с.

25. Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М.: ЗАО Изд-во «Экономика», 2003. 441 с.

26. Hayek F.A. Fatal Conceit. Chicago, 1989. Ch.I.

27. Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. VOL. 72, № 3. P. 22-49.

28. Toynbee A.J. A Study of History. London, Thames & Hudson, 1972. 576 p.

References

1. Berdjaev N. Iz psihologii russkoj intellegencii, available at: http://www.odinblago.ru/berd_iz_psy_ru_intellig (accessed 08.02.2017) [in Rus].

2. Berdjaev N. (1915) Nacionalizm i messianizm. Moscow, Pub. of I.D. Sytin, 42 p. [in Rus].

3. Berdjaev N. (1927) *Put'*, № 8, available at: http://www.odinblago.ru/path/8/11/ (accessed 08.02.2017) [in Rus].

4. Gorshkov M.K. (2005) Grazhdane novoj Rossii: k voprosu ob ustojchivosti i izmenchivosti obshhenacial'nogo mentaliteta // Rossija: tendencii i perspektivy razvitija. Ezhegodnik. Vyp. 1. Moscow, INION RAN [in Rus].

5. Danilevskij N.Ja. (1871) «Rossija i Evropa», available at: http://modernlib.ru/books/danilevskiy_

nikolay/rossiya_i_evropa/read (accessed 08.02.2017) [in Rus].
6. Zinov'ev A.A. (2000) Global'noe sverhobshhestvo i Rossija. Minsk, Harvest; Moscow, AST, 128 p. [in Rus].
7. Ivin A.A. (2000) Filosofija istorii. Moscow, Gardariki, 528 p. [in Rus].
8. Il'in I.A. (1993) O russkoj idee // Il'in I.A. Sobranie sochinenij: v 10 t., t. 2. Moscow, Russkaja Kniga, 496 p. [in Rus].
9. Inozemcev V.L. (2001) Neizbezhnost' monopoljusnoj civilizacii // Megatrendy mirovogo razvitija. Moscow, Jekonomika, 296 p. [in Rus].
10. Inozemcev V.L. (2015) Pjat' prichin, pochemu v Rossii ne budet demokratii (Izlozhenie doklada, predstavlennogo avtorom na mezhdunarodnom kongresse The Freedom Games 2015 v g. Lodz' (Pol'sha), available at: https://snob.ru/selected/entry/99514?v=1452779894 (accessed 05.02.2016) [in Rus].
11. Kozhevnikova M.N. (2016) Problemy rossijskoj mental'nosti i perspektivnaja model' rossijskogo obrazovanija XXI v. // Rol' mentaliteta v funkcionirovanii gosudarstva: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. v g. Minske 25 marta 2016 g. / Akad. upr. Pri Prezidente Resp. Belarus'; In-t istorii NAN Belarusi. Minsk, Kolorgrad, pp. 208–213 [in Rus].
12. Kulikova T.V. (2011) Filosofija granicy: fenomenologicheskij i jepistemologicheskij podhody. N. Novgorod, 334 p. [in Rus].
13. Losskij N.O. (1991) Uslovija absoljutnogo dobra: Osnovy jetiki; Harakter russkogo naroda. Moscow, Politizdat, 368 p. [in Rus].
14. Panarin A.S. (2002) Iskushenie globalizmom. Moscow, Jeksmo-Press, 416 p. [in Rus].
15. Pirogov G.G. (2002) Globalizacija i civilizacionnoe mnogoobrazie mira, v 2 ch. Moscow, Slovo, ch. 1, 460 p.; ch. 2, 273 p. [in Rus].
16. Popper K. (1992) Otkrytoe obshhestvo i ego vragi. Moscow, T. 1, 448 p. [in Rus].
17. Rozov N.S. Obshhestva, mirosistemy i civilizacii: sintez paradigm i struktura istorii, available at: http://www.nsu.ru/filf/rpha/papers/geoecon/forrach.htm#topic5 (accessed 05.02.2016) [in Rus].
18. Savickij P.N. (1922) Step' i osedlost'// Na putjah: Utverzhdenie evrazijcev. Moskva, Berlin, available at: http://www.kulichki.com/~gumilev/SPN/spn03.htm (accessed 08.02.2017) [in Rus].
19. Solov'ev V. Nacional'nyj vopros v Rossii, available at: http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv31.htm (accessed 08.02.2017) [in Rus].
20. Starostin A.M. Civilizacionnaja paradigma v politicheskoj nauke, available at: http://www.rapn.ru/partner/files/starostin.pdf (accessed 08.02.2017) [in Rus].
21. Trubeckoj N.S. (1993) O turanskom jelemente v russkoj kul'ture//Rossija mezhdu Evropoj i Aziej: Evrazijskij soblazn: antologija / Rossijskaja akademija nauk, Institut filosofii. Nauch. izd. Moscow, Nauka, pp. 58–88 [in Rus].
22. Fedotov G. (1990) Svjatye Drevnej Rusi. Moscow, Moskovskij rabochij, 269 p. [in Rus].
23. Frank S.L. (1996) Russkoe mirovozzrenie. St.-Petersburg, Nauka-SPb, 738 p. [in Rus].
24. Chaadaev P.Ja. (2006) Filosoficheskie pis'ma. Moscow, Jeksmo, 544 p. [in Rus].
25. Jakovec Ju.V. (2003) Globalizacija i vzaimodejstvie civilizacij. Moscow, ZAO Izd-vo «Jekonomika», 441 p. [in Rus].
26. Hayek F.A. (1989) Fatal Conceit. Chicago, Ch. l. [in Eng].
27. Huntington S. P. (1993) *Foreign Affairs*, vol. 72, no. 3, pp. 22–49 [in Eng].
28. Toynbee A.J. (1972) A Study of History. London, Thames & Hudson, 576 p. [in Eng].

UDC 101.1:316

RUSSIAN CIVILIZATION, MENTALITY AND STRATEGIC LEARNING OBJECTIVES

Kozhevnikova Margarita Nikolaevna,
Institute of Education Management of Russian Academy of Education, branch in Saint-Petersburg, Leading scientific worker, Cand. Sc. (Philosophy), Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: margaritakozh@ya.ru

Annotation
Such notions as "patriotism", "national values", "national identity" have integrated into defining strategic objectives of present-day Russian education. In this connection, in the author's point of view, it is required to rethink over topics of Russian civilization and Russian mentality. The article considers the problems of Russian civilization which were stated by different researchers beginning with the economic level and including deeper levels: social – economic and social – cultural influencing the fortune of Russia. The author focuses on the problem of discussing the "cultural core" of Russian civilization and in connection with it –researches of Russian mentality. The author suggests a hypothesis which includes the scheme of layers historically constructing Russian mentality and their key elements. As a basis for explaining the nature of Russian mentality the author elicits the archetype "space" including meaningful elements (ground state, homogeneity, objectlessness, absolute, stability, (sphere) of inner). The phenomenon "Limits" opposed to the principle "Space" has been found out. On the basis of the characteristics, elements and inner contradictions the author specifies tasks for education figures in regards to its (mentality) problems on the one hand and potential on the other.

Key concepts:
national values,
national self-consciousness,
educational standards,
civilization theories,
meta-russian civilization,
mentality.